

РИСКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: sigarevae@mail.ru

AutorID РИНЦ: 74704

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: svetlankamos84@yandex.ru

AutorID РИНЦ: 611010

Плетнева Юлия Эдуардовна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

E-mail: julpletneva@yandex.ru

AutorID РИНЦ: 1026136

Аннотация. В статье авторы рассматривают различные теории «риска» в контексте формирования новой реальности, которая характеризуется разными критериями и степенями неопределенности. Исследователи анализируют работы У. Бека, Э. Гидденса, М. Дуглас, Н. Талеба, Ф. Хоффмана и других. В статье проводится глубокий анализ рисков демографического развития России в условиях глобальной пандемии. На основе результатов собственного исследования, базирующихся на данных совокупности методов сбора и анализа информации, авторы статьи приходят к следующим выводам. Первая, затем вторая волна депопуляции делает демографическую детерминацию развития российского государства приоритетной, что требует пересмотра парадигмы экономической перспективы. В сложившихся условиях риск снижения численности мирового населения увеличится многократно. На фоне развития негативных мировых и отечественных демографических процессов и формирования апокалиптических взглядов на будущее «пандемийный» ущерб населения может стать лишь незначительным вкладом в этот тренд. Необходимо осуществлять мониторинг не только возможных рисков, но и реакции населения на предлагаемые государством меры профилактики, борьбы с пандемией, а также социально-экономической поддержки граждан и предпринимателей в сложных условиях распространения COVID-19.

Ключевые слова: пандемия, риск, общество риска, демография, государство, общественное мнение, доверие

Для цитирования: Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Плетнева Ю. Э. Риски демографического развития в условиях пандемии // Наука. Культура. Общество. 2020. Том 26. № 4. С. 98-116. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.8

RISKS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN A PANDEMIC

Evgenia P. Sigareva, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: sigarevae@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3760-795X

Scopus Author ID: 57209847807

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: svetlankamos84@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3239-4230

Web of Science ResearcherID: AAT-1436-2020

Scopus Author ID: 56623121500

Julia E. Pletneva, Junior Researcher, Institute of Demographic Research FCTAS RAS (Moscow, Russia).

E-mail: julpletneva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6689-3305

Web of Science ResearcherID: B-7423-2019

Abstract. In the article, the authors consider various theories of “risk” in the context of the formation of a new reality, which is characterized by different criteria and degrees of uncertainty. Researchers analyze the works of W. Beck, E. Giddens, M. Douglas, N. Taleb, F. Hoffman and others. The article provides a deep analysis of the risks of Russia’s demographic development in the context of a global pandemic. Based on the results of their own research, based on the data of a set of methods for collecting and analyzing information, the authors of the article come to the following conclusions. The first and then the second wave of depopulation makes the demographic determination of the development of the Russian state a priority, which requires a revision of the paradigm of the economic perspective. Under these conditions, the risk of a decline in the global population will increase many times over. Against the background of the development of negative global and domestic demographic processes and the formation of apocalyptic views on the future, the “pandemic” damage to the population can become only an insignificant contribution to this trend. It is necessary to monitor not only possible risks, but also the reaction of the population to the preventive measures proposed by the state, combating the pandemic, as well as socio-economic support of citizens and entrepreneurs in the difficult conditions of the spread of COVID-19.

Keywords: pandemic, risk, risk society, demography, state, public opinion, trust

For citation: Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu., Pletneva J. E. (2020). Risks of demographic development in a pandemic. Science. Culture. Society. Vol. 26. № 4. P. 98-116. DOI: 10.19181/2308829X-2020-4.8

Очевидно, что 2020 г. останется в истории человечества годом, когда главенствующая парадигма экономического детерминизма сменилась парадигмой демографического детерминизма. Весь глобальный мир в кратчайшие сроки столкнулся с угрозой утраты неопределенной части мирового населения. Представители истеблишмента всех стран мира пошли на беспрецедентные меры в экономической политике с единственной целью сохранить население своих государств. То есть, экономика стран подчинилась демографии. Вместе с тем, новая реальность обладает такой степенью неопределенности, что конструирование будущего развития усложняется отсутствием «образа постпандемийного мира» как в политическом, социальном, так и демографическом смыслах.

В последнем докладе Deutsche Bank о глобальных тенденциях говорится, что наступает эпоха хаоса,

«глобального беспорядка» [1]. Эпоха, в которой угрозы будут носить бессистемный и тоталитарный характер. Поэтому риски будущей цивилизации, в том числе и в демографическом отношении, нам предстоит еще только осмыслить.

Теория «общества риска» немецкого социолога Ульриха Бека утверждает, что как сама природа, так и ответ на риск отличают современные общества от ранних социальных формаций [2]. Бек считает, что для современного общества характерны риски, созданные самим человеком, которые могут быть невидимыми, и идентифицированы только с использованием экспертных технологий. Для Бека центральной проблемой является то, как жить во времена непреодолимых рисков и как провести границу между благоразумным беспокойством и истощающей истерией. При этом, по мнению ученого, советы экспертов

редко бывают полезными из-за своей противоречивости.

Энтони Гидденс, также известный создатель теории «общества риска», подчеркивает, что сегодня под угрозой находится связь между человеком и природой, и эти отношения должны измениться [3]. Гидденс объясняет растущую озабоченность риском повышения желания прогнозировать и планировать будущее. Он считает, что у нас нет другой альтернативы, кроме как принять эту «ориентацию на будущее», потому что современный индивидуализм приносит с собой растущее требование к людям строить свою собственную жизнь в отсутствие стабильной, обязательной и традиционной нормы и образа жизни. Соответственно, в то время как индивидуализм означает больше свободы выбора из ряда социальных вариантов, он также несет за собой необходимость иметь дело с присущей ему неопределенностью этих распространяющихся выборов. Это расширение выбора и неопределенности наиболее очевидно в областях личной идентичности, образования, карьеры и семейных отношений.

При рассмотрении вопроса о том, как люди справляются с неопределенностью, Гидденс и Бек подчеркивают роль рефлексивности [4]. Современная рефлексивность предполагает более или менее постоянный мониторинг социальной действительности индивидами. Информация и знания, полученные в результате этого мониторинга, влияют на последующие решения и поведение людей. Таким образом, рефлексивность – это постоянная и активная реакция отдельных лиц на системную неопределенность и риск. Чем выше риски, связанные с решением, тем более рефлексивным может быть это решение.

Данную теорию часто критикуют за то, что понятие риска сужается до реагирования на последствия индустриализации, такие как технологические и экологические угрозы. В то же время данный подход лежит в основе идеи страхования и статистических методов расчета неопределенности, используемых в современном мире. Однако эта концепция не в состоянии охватить более общее понятие риска, как особой исторической и характерной для данного общества стратегии управления неопределенностью. Более того, критика была направлена на утверждения Бека о том, что новые риски вызывают общую тревогу, которая способствует повышению осведомленности общественности о риске и тем самым повышают политическую вовлеченность людей. Тем не менее, критики утверждали, что это не может относиться ко всем рискам, и не все люди реагируют одинаково.

Культурологическая теория риска, концепция британского социолога Мэри Дуглас и американского социолога Аарона Вильдавский, также постулирует, что риск принимает новую форму в современном обществе [5]. Риск приравнивается к угрозам, которые угрожают индивидуальной и коллективной безопасности людей и существованию их в целом. Сторонники этого подхода предполагают, что доминирующий экономический подход к риску, основанный на предположении, что все индивиды одинаково рациональны и корыстны, не может объяснить, почему люди сильно различаются в том, как они реагируют на риски. Дуглас и ее коллеги утверждают, что не существует общепринятой оценки потенциальных угроз, скорее есть разные группы, которые имеют противоречивые

взгляды на конкретную проблему, и между этими взглядами существует конфликт и напряженность.

В социологическом дискурсе признается значительная роль СМИ в исследованиях риска. Классический подход сфокусирован на том, насколько объективно и рационально освещаются различные события [6]. С одной стороны, фундаментальное предположение, что средства массовой информации должны помогать общественности принимать адекватные решения путем предоставления объективной информации, натолкнулось на проблему, заключающуюся в том, что зачастую такие объективные знания недоступны для самих СМИ. С другой стороны, исследования показали, что, в то время как средства массовой информации оказывают определяющее влияние на восприятие общественного риска, индивиды играют активную роль в отношении интерпретации и реагирования на риск. Важно также учитывать личные опыт людей, их биографию, моральные убеждения и личные суждения. Исследования, которые сравнивают освещение в СМИ на различные моменты времени, показывают, что социальный и политический контекст имеет большое значение для понимания информирования о рисках [7].

Метафора «черный лебедь» была широко популяризирована в книге американского профессора ливанского происхождения Нассима Николаса Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» [8]. Центральной идеей книги выступает утверждение о том, что часто человечество игнорирует возможность того, что мир вокруг нас может резко измениться в мгновение ока. Позже из теории Талеба родились термины «серый и белый лебедь». Термин

«серый лебедь» – термин, используемый для описания потенциально очень значимого события, которое считается маловероятным, но все же возможным [9]. Поскольку существует небольшая вероятность того, что это событие произойдет, к нему следует готовиться потому, что оно может потрясти мир. «Серые лебеди», в отличие от «черных» не считаются совершенно невероятными, а это значит, что о возможности их наступления известно заранее. Они могут быть как позитивными, так и негативными и существенно изменяют то, как устроен мир. Примерами могут служить стихийные бедствия, неожиданное решение Британии покинуть Европейский Союз, также известное как Brexit, или создание интернета. Конечно же, последствия таких событий нелегко предсказать. Тем не менее, те люди, которые могут быть подвержены этим последствиям, должны иметь потенциальный план того, как с этими событиями справляться.

Термин «белый лебедь» используется для описания событий, которые почти наверняка произойдут, а также несет последствия, которые легко оценить. В интервью журналу TIME Нассим Талеб назвал финансовый кризис 2008 года «белым лебедем», при этом отметив, что только некоторые люди предвидели его наступление [10]. И «серые» и «черные лебеди» вызывают события, которые могут быть потенциально разрушительными для многих. Основное различие между ними состоит в том, что одно может быть ожидаемо, хоть и маловероятным, а другое застает нас врасплох.

Френк Хоффман, американский эксперт по обороне, предложил еще одну концепцию подхода к риску –

«розовый фламинго» [11]. Его идея заключается в том, что существует ряд предсказуемых событий, которые игнорируются из-за когнитивных предубеждений лидера страны или группы лидеров. Такие события являются известными и широко освещенными, но при этом политики тщательно игнорируют их. Хоффман сравнивает их с фламинго из-за «яркого и уродливого вида птицы».

Учитывая, что сам автор термина «черный лебедь» отказался признавать развивающуюся пандемию в качестве непредсказуемого феномена [12], можно предположить, что случившееся может быть идентифицировано или как «белый лебедь», или, даже, как «розовый фламинго».

В рамках исследовательского проекта «Россия в условиях неопределенности: стратегия упреждения рисков и угроз национальной безопасности», особое место занимала тематика рисков демографического развития страны в условиях глобальной пандемии. Этимология понятий «демография» и «пандемия» позволяет охарактеризовать их как слова, имеющие один корень «демос» (др. греч. δῆμος) – «народ». В первом случае «демография» – это и наука, исследующая закономерности народонаселения, и вид практической деятельности по сбору и анализу данных о демографической ситуации и ее изменению с целью определить демографическую политику. Во втором случае «пандемия» (греч. πανδημία «весь народ») – это высший уровень охвата населения в иерархии инфекционных заболеваний, который является наиболее опасным, так как смертельному риску подвергается подавляющая часть населения мира. Поэтому априори пандемия оказывает существенное влияние на

изменение параметров и трендов развития демографических процессов как в мире в целом, так и в отдельно взятой стране. Протекание пандемии имеет свои закономерности и циклы, которые в настоящее время пытаются оценить и взять под контроль вся мировая медицина.

Сам пандемийный характер событий, связанный с COVID-19, в совокупности с возможностями глобального виртуального обсуждения вызвал шквал (пандемию) информации и попыток анализа развития самой болезни, мер по ее контролю, а также последствий для всех сфер жизнедеятельности человечества. Наиболее авторитетные официальные источники, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в текущем режиме осуществляет мониторинг мировой ситуации и вырабатывает стратегию борьбы с пандемией и рекомендации. Поэтому данный источник информации о пандемии становится исследовательской базой для изучения различных аспектов ее влияния, в том числе и на демографические трансформации в постпандемийный период. В обновленной стратегии борьбы с COVID-19, представленной ВОЗ в апреле 2020 г. отмечено, что мир столкнулся с неизведанной ранее инфекцией: «COVID-19 – это новое заболевание, которое отличается от других заболеваний, вызываемых коронавирусами, таких как тяжелый острый респираторный синдром (ТОРС) и ближневосточный респираторный синдром (БВРС). Вирус распространяется очень быстро, что может приводить к вспышкам с экспоненциальным ростом заражения» [13]. Вместе с тем, природа нового коронавируса такова, что, пока не достигнут научный консенсус по

многим «странным» особенностям его происхождения и проявления. В связи с этим в процессе обсуждения и научного изучения этого инфекционного феномена возникают не только «амбивалентные», но и противоречивые мнения, системный анализ и критика которых становятся все более актуальными. На официальном сайте ВОЗ даже существует специальный раздел, посвященный борьбе со слухами и мифами, формирующимися вокруг пандемии. Но сама ВОЗ в своих предположениях также была подвергнута серьезной критике мирового научного сообщества в отношении влияния «предсимптомных» или «бессимптомных» носителей вируса на его распространение [14].

Кажется очевидным, что демографический «след» пандемии в первую очередь должен быть отмечен на показателях смертности населения. Однако, следует заметить, что существует два класса статистических показателей, которые касаются учета смертей: это медицинская статистика и демографическая статистика. Последняя базируется на первой, но не является ей тождественной и используется с учетом некоторых особенностей. Так, например, и в медицинской статистике, и в демографической статистике используются абсолютные показатели смертей. Но, прежде чем эти данные попадут в общую базу, которую могут использовать демографы, они должны пройти сложный утвержденный порядок их учета. Поэтому важнейшим обстоятельством при определении влияния пандемии на демографические процессы является умение различать летальность (как медицинский показатель) и смертность (как демографический показатель). Особенно это важно, когда рассчитыва-

ются относительные показатели, характеризующие смертельные риски и позволяющие делать сравнение между национальными системами здравоохранения различных стран и выбранными подходами в борьбе с пандемией.

Летальность, согласно энциклопедии медицинских терминов – это отношение числа умерших от определенного заболевания, за определенный период времени к числу заболевших этой же болезнью в тот же период времени. Обычно этот показатель выражается в процентах [15]. Таким образом, при определении смертельной опасности коронавируса, при помощи показателя летальности становится важной статистика заболевших. Однако появление «бессимптомных» носителей COVID-19 инфекции, а также неизученная «контагиозность» их, осложняет оценку числа реально заболевших, а значит и уровень летальности болезни.

На сайте Минздрава РФ, в разделе, посвященном коронавирусу, в двух различных местах указаны следующие данные: «Важно: в России 14 574 117 человек (*выделено авторами*) прошли тесты на коронавирус. К счастью, большинство проб не подтвердились. Заболели 520 129, а 274 641 пациентов уже выздоровели» (на 9.06.2020) [16]. А в другой части – «статистика», где представлена карта распространения вируса, дается та же цифра 14 574 117, но уже говорится о **тестах**. Мы знаем, что тестирование один и тот же человек может проходить несколько раз и из публикуемых данных Минздрава РФ непонятно, относится ли эта цифра к числу медицинских событий (количеству тестов) или к числу человек, к которым неоднократно было применено тестирование. Поэтому

такие статистические неточности создают неверные представления о масштабах распространения вирусной инфекции.

Пандемия, безусловно, окажет свое негативное влияние и на снижение рождаемости и трансформацию репродуктивного поведения. Однако реально судить о масштабах ухудшения в отношении показателей рождаемости можно будет лишь в конце 2020 г. – начале 2021 г., так как из-за специфики процесса рождения «пандемийные дети» должны будут появиться позже. Новорожденные в период март 2020 г. – ноябрь 2021 г. – это дети, запланированные еще до наступления коронавирусной инфекции. Единственный статистический источник, по которому можно сейчас оценивать риски в области рождаемости и репродуктивного поведения – это параметры и динамика абортот, статистика о которых пока не имеется в открытом доступе. Поэтому предположения экспертного сообщества о возможном росте рождаемости в связи с вынужденной изоляцией населения в репродуктивном возрасте, пока не имеет под собой научного обоснования.

Что касается процессов брачности и разводимости, отметим следующее. Эксперты по взаимоотношениям и семейные юристы прогнозируют, что количество разводов резко возрастет после окончания пандемии [17]. Связывают они это, прежде всего, с тем, что многие пары, вынужденные все время проводить дома, будут по другому сценарию взаимодействовать друг с другом. Таким образом, им придется столкнуться с проблемами, которыми им удавалось избежать, занимаясь своими обычными делами. Общий стресс от пандемии – финансовый, эмоциональный и физический – заставляет некоторых людей

взглянуть на своего партнера с другой стороны. Уже было установлено, что проведение большого количества времени вместе, в непосредственной близости, может увеличить вероятность развода. В Китае, где началась эпидемия, как сообщил Bloomberg, был замечен всплеск разводов в марте после того, как пары вышли из режима строгих ограничений, направленных на сдерживание распространения COVID-19 [18]. В городах Сиань в центральном Китае и Дачжоу в провинции Сычуань в начале марта было рекордное количество разводов, что привело к длительным ожиданиям в государственных учреждениях.

Однако несправедливо полностью обвинять коронавирус в росте количества разводов и проблемах в отношениях. Опрос семейных психотерапевтов показал, что многие их клиенты уже имели проблемы в браке до COVID-19, и эти проблемы только усугубились во время изоляции. Люди, которые разводятся или прекращают свои отношения, в качестве причин для разрыва чаще всего ссылаются на несовместимость, неверность и постоянные конфликты, а не на пандемию [19]. Несмотря на негативные прогнозы, относительно влияния коронавируса на браки, существует иной подход к данной проблеме. Исследования показывают, что брак, напротив, служит важным защитным фактором в период пандемии [20].

Если говорить еще об одной компоненте демографического развития, надо указать на то, что современная миграция в условиях расширяющейся глобализации сама стала триггером ускорения распространения заболевания. Поэтому закрытие границ и карантинные мероприятия для регионов с высоким уровнем риска за-

ражения, являющиеся классическими методами борьбы с эпидемиями и пандемиями, кардинальным образом снижают масштабы передвижения населения, изменяют традиционные миграционные направления, формируют значительные проблемы для мигрантов. Это в свою очередь создает для мигрантов, оказавшихся не в месте своего обычного обитания, высокие риски не только стать наиболее уязвимой частью общества, но и риски простого выживания.

Прикладной аспект исследования рисков демографического развития базировался на результатах экспресс-опроса, проведенного авторами. Экспресс-опрос носил пилотажный характер, основными целями которого было:

- оперативно выявить оценки населения рисков пандемии в области демографических и обуславливающих их экономических проблем, а также получить оценки респондентов об эффективности мер, применяемых в России (на федеральном и региональном уровнях), направленных на сокращение демографического ущерба;

- раскрыть достоинства и недостатки методологического подхода к предмету исследования и проблемы методического инструментария;

Кроме адресной части, анкета состояла из нескольких блоков, которые содержали закрытые вопросы о рисках, связанных с пандемией, личного характера, а также общего характера (демографические и экономические риски). Отдельный блок вопросов охватывал перечень мер, применяемых по борьбе с коронавирусной инфекцией. Опрос осуществлялся комбинированным способом. Часть эмпирических данных была получена благодаря интернет-опросу, часть ре-

спондентов опрашивалась очно. Как оказалось, каждый из этих способов обладает специфическими особенностями и влияет на полноту полученных данных. Так, например, опрос посредством интернета «сдвигает» случайную выборку в сторону молодых возрастных групп и не дает возможность адекватно оценить истинность адресной части анкеты. Очный опрос, хотя и усложняет получение эмпирических данных, а также затягивает время сбора информации, но позволяет получить дополнительные комментарии к поставленным в анкете вопросам. При очном способе опроса даже отказ от участия в нем позволил выявить некоторые характеристики общественного мнения о пандемийной ситуации. В нашем случае наиболее резкий отказ давать оценку рискам пандемии и мерам борьбы с ней был свойственен медицинским работникам. Неохотно соглашались на участие в очном опросе респонденты, которые переболели коронавирусом. То есть, те лица, которые непосредственно сталкиваются или столкнулись с угрозой инфекции.

В результате, пилотажное исследование базировалось на следующей структуре выборки: женщины составили 65% респондентов, мужчины – 35%. Возраст опрошенных распределился по следующим группам: 18-24 лет – 31%; 25-34 года – 25%; 35-54 года – 26%; 55 и старше – 18%. В опросе участвовали 103 представителя г. Москвы и Московской области, Приморского края, Иркутской области, Камчатской области, Тульской области, Читинской области, Липецкой области, Республики Северная Осетия – Алания и Ставропольского края.

Оценки рисков коронавируса и мер эффективности борьбы с ним

основывались на балльной системе. Риски определялись в параметрах шести балльного распределения, где 0 означал «отсутствие риска», 1 балл – минимальный риск, 2 балла – небольшой риск, 3 балла – средний риск, 4 балла – большой риск, а 5 баллов – максимальный риск. Эффективность мер оценивалась по пятибалльной системе, где 1 означала минимальную эффективность, 2 балла – небольшую эффективность, 3 балла – среднюю эффективность, 4 балла – большую эффективность, 5 баллов – максимальную эффективность.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу оценок населением рисков, связанных с пандемией, в демографической области, представим общий взгляд на личные риски респондентов (табл. 1). Данные экспресс-опроса показали, что наибольшая группа респондентов (35%), считают риск заболеть самому или кому-либо из близкого окружения средним, присвоив этой возможности лишь 3 балла. Более высокий личный риск «столкнуться» COVID-19 высказали еще 32% опрошенных (в совокупности оценок «высокий» и «максимальный»).

Таким образом, в целом оказалось, что 2/3 респондентов признают риск заболевания на уровне средней величины и выше. Опрос позволил оценить примерно масштабы численности «ковид-агностиков» или «ковид-диссидентов». Так, 5% респондентов, то есть, каждый 20-й опрошенный считает риск заболевания «нулевым». Еще около 30% респондентов угрозу пандемии считает ниже среднего уровня. Отметим также, что максимальный уровень личного риска наиболее выразительно отметили две крайние возрастные

группы населения: респонденты в возрасте 18-24 года и старше 55 лет (по 28% респондентов).

Если суммарно оценивать высокие и максимальные показатели баллов, то окажется, что наибольший риск лично для респондента в условиях пандемии отмечается в отношении падения качества образования в условиях дистанционной работы образовательных учреждений (45,6%), затем следует потеря или снижение заработной платы и иного дохода (38,8%), риск заболеть самому или лицам из близкого окружения (32,1%), риск ухудшения психологического здоровья (27,2%), риск ухудшения взаимопонимания в семье в условиях самоизоляции или дистанционной работы (11,7%). То есть лично для респондентов опасность заболеть коронавирусом имеет третий ранг и уступает угрозам некачественного образования и падению жизненного уровня.

В таблице 2 представлены результаты экспресс-опроса респондентов об общих рисках демографического свойства. Если судить по максимальному баллу, характеризующему угрозу ухудшения демографической ситуации в России, то можно заметить, что больше всего вызывает у населения беспокойство об ухудшении ситуации в области смертности, что совершенно естественно и оправдано самой природой пандемийного феномена.

Риск роста смертности максимальным отмечается чаще, чем каждым пятым опрошенным. Почти 38% ответивших присвоили совокупно этой негативной тенденции уровень риска как большой и максимальный. Вместе с тем около 7% респондентов считают вероятность роста смертности нулевой. Очевидно, эту группу населения можно отнести к предста-

вителям ковид-агностиков. Почти каждый десятый считает угрозой роста смертности в условиях пандемии минимальной. Второе место, если судить по максимальной оценке риска,

занимает проблема роста разводов, о которой заявил каждый десятый ответивший. Более 16% респондентов заявили также, что рост разводов имеет большую вероятность.

Таблица 1

Оценка респондентами рисков личного характера в условиях пандемии

(% от ответивших, 0 = отсутствие риска, 1 = минимальный риск, 5 = максимальный риск)

Риск\Баллы	0	1	2	3	4	5
Заболеть коронавирусом для Вас самих или Ваших родных и близких	4,9	14,6	13,6	35,0	14,6	17,5
Ухудшение психологического здоровья	19,4	15,5	22,3	15,5	13,6	13,6
Ухудшение заболеваний, не связанных с коронавирусом	7,8	16,5	20,4	26,2	15,5	13,6
Потеря или снижение заработной платы и иного дохода	15,5	13,6	10,7	21,4	22,3	16,5
Ухудшение взаимопонимания в семье в условиях самоизоляции/дистанционной работы	34,0	23,3	13,6	17,5	7,8	3,9
Падение качества образования в условиях дистанционной работы образовательных учреждений	13,6	13,6	12,6	14,6	22,3	23,3

Таблица 2

Оценка респондентами рисков демографического характера в условиях пандемии

(% от ответивших, 0 = отсутствие риска, 1 = минимальный риск, 5 = максимальный риск)

Риск\Баллы	0	1	2	3	4	5
Рост смертности	6,8	9,7	25,2	20,4	16,5	21,4
Снижение рождаемости	19,4	20,4	23,3	17,5	9,7	9,7
Снижение количества заключаемых браков	16,5	22,3	21,4	21,4	9,7	8,7
Увеличение количества разводов	15,5	21,4	13,6	22,3	16,5	10,7
Миграционный отток населения из региона	20,4	24,3	23,3	14,6	10,7	6,8

Примерно пятая часть респондентов высказала предположение, что в условиях коронавируса риск сокращения рождаемости может быть оценен как большой или максимальный. Чуть меньше респондентов такую же оценку выразили и в отношении снижения числа заключаемых браков. При этом нулевой уровень риска в отношении снижения рождаемости присвоила почти пятая часть респондентов. А в отношении снижения числа заключаемых браков – лишь 16,5%. То есть, снижение

рождаемости и сокращение числа заключаемых браков в условиях пандемийной ситуации, по мнению примерно 40% респондентов, не имеет угрозы ухудшения или такая угроза минимальна.

Миграционный аспект, как показывают результаты экспресс-опроса, для населения менее значим, чем другие демографические процессы. Лишь 33%, то есть каждый третий респондент посчитал риск миграционной утраты населения региона, в котором он проживает, средним

или выше среднего (табл. 2). В целом можно сказать, что большинство опрошенных не связывают (или связывают незначительно) проблему миграционного оттока населения из своих регионов с пандемией.

Прямые риски демографического состояния, на взгляд респондентов, менее значимы, чем косвенные риски, связанные с резкой трансформацией экономических условий. Но они также признают, что снижение материального благосостояния в первую очередь коснется семей и, тем самым, ухудшит перспективы демографической стабилизации. Так результаты

экспресс-опроса свидетельствуют, что в совокупности высокие и максимальные риски для 57,3% респондентов связаны с ухудшением экономического положения семей (см. табл. 3). Также максимально и высоко рискованным является рост безработицы для 56,3% ответивших. Более 55% респондентов заявили о высоком и максимальном риске снижения объема денежных сбережений, а 53,4% – о риске снижения заработной платы. Значительная часть респондентов (42,7%) указала на перспективу максимального или высокого риска роста потребительских расходов.

Таблица 3

Оценка респондентами рисков экономического характера в условиях пандемии
(% от ответивших, 0 = отсутствие риска, 1 = минимальный риск, 5 = максимальный риск)

Риск\Баллы	0	1	2	3	4	5
Рост безработицы	3,9	6,8	12,6	20,4	26,2	30,1
Снижение заработной платы	3,9	8,7	17,5	16,5	24,3	29,1
Увеличение доли работающих неофициально	6,8	9,7	20,4	25,2	20,4	17,5
Рост потребительских расходов	5,8	9,7	14,6	27,2	20,4	22,3
Снижение объема денежных сбережений	3,9	9,7	7,8	23,3	23,3	32,0
Ухудшение экономического положения семей	2,9	6,8	10,7	22,3	23,3	34,0
Замещение трудового потенциала региона иностранной рабочей силой	13,6	19,4	16,5	22,3	14,6	13,6

То есть, если сравнивать в целом риски в демографической и экономической сферах, оцененные респондентами, то окажется, что последние вызывают более серьезные опасения у респондентов. Таким образом, экономическая парадигма, отступившая под угрозой пандемии перед демографической парадигмой, со временем может повлечь более серьезные отдаленные демографические последствия. К сожалению, в условиях неопределенности трудно найти сбалансированные решения, которые оптимизируют их сочетание не только на ближайший период, но в долгосрочной перспективе.

Одним из способов найти такой баланс, и стало ускоренное внедрение преимуществ цифровой экономики, то есть, работа и образование в режиме дистанта, имеющая как неоспоримые достоинства, так и очевидные недостатки. С одной стороны такой режим позволяют снизить риски заражения коронавирусом, с другой стороны обуславливают риски иного характера, но влияющие негативно на здоровье таких работников и учащихся.

2020 год останется также в памяти людей как период, разделивший ход истории развития цифровизации мирового рынка труда, в целом,

и российского в частности, на «до» и «после». Пандемия заставила по-новому посмотреть на процессы планирования, организации, мотивации и контроля работы персонала организаций и предприятий, обнажила «тлеющие» проблемы на рынке труда, определила новые векторы его развития. Ускорение процессов цифровизации рынка труда привело к ярким проявлениям ее последствий, прежде всего негативных.

В марте 2020 г. на федеральном и региональных уровнях были изданы нормативно-правовые акты о введении в регионах России режима повышенной готовности и переводе сотрудников учреждений, организаций и предприятий на дистанционную форму работы. Следует отметить, что дискуссия о преимуществах и недостатках данной формы работы актуализировалась еще до объявления пандемии. Массовый же вынужденный переход к работе «из дома» позволил широкой массе людей «попробовать на практике» данную форму занятости. В связи с этим, результаты опросов об эффектах дистанционной формы работы стали более объективными, так как основаны на личном опыте респондентов. Последствия перехода к дистанционной форме работы можно рассматривать в отношении трех акторов: работника, работодателя и государства.

Для предприятий (работодателя) организация дистанционной работы позволит получить следующие положительные эффекты. Во-первых, может способствовать снижению затрат, связанных с арендой помещения, оплатой коммунальных услуг, канцелярских товаров и др. Во-вторых, есть возможность нанять высококвалифицированных специалистов за небольшие деньги, так

как поиск сотрудников может осуществляться по всей стране. Так по данным аналитического центра Битрикс-24, проводившего опрос среди 1051 российской компании малого, среднего и крупного бизнеса, 43% работодателей заявили о расширении возможностей найма работников, о возможности поиска сотрудников по всему миру. Еще 35% сказали о возможности экономии на издержках (заработная плата, аренда и т.д.) [21]. В-третьих, согласно результатам исследования ADP Research Institute работники, работающие удалённо, более системно вовлечены в работу, чем сотрудники, которые ходят на работу в офис. Доля работников, работающих удалённо, составляет 29% против 18% респондентов, работающих в офисе [22]. В целом, согласно опросу, проведённому аналитическим центром Битрикс-24, 72% опрошенных работодателей довольны работой сотрудников в удалённом формате.

Вместе с тем, перевод сотрудников на дистанционную работу имеет для работодателя и ряд рисков. Во-первых, не все виды работ можно осуществлять удалённо. Например, работа по оказанию бытовых услуг, работа на пищевом производстве, работа по производству высокотехнологичной продукции и многие другие. Во-вторых, сложно организовать контроль за соблюдением трудовой дисциплины. В-третьих, качество работы может оказаться довольно низким. При этом работодателю крайне сложно будет повлиять на его повышение.

Так по данным сервиса для управления бизнесом Мегаплан, проводившим опрос среди работников и работодателей в марте 2020 г. с целью определения мнения в от-

ношении эффективности и рисков дистанционной работы, 11% работодателей указали, что боятся потерять контроль над подчинёнными, а 23% респондентов испытывают проблемы с постановкой задач в удалённом формате [23]. Также результаты опроса центра Битрикс-24 показывают, что 30% работодателей испытывают сложности с контролем работников, 26% в качестве отрицательных сторон отмечают отсутствие личной коммуникации, а 8% обеспокоены риском утечки информации.

Для работников также существуют как положительные, так и отрицательные эффекты работы в дистанционном формате. Среди позитивных моментов чаще всего говорят о возможности самостоятельного определения режима работы, темпа ее выполнения и т.д. Во-вторых, работник экономит время на дороге к работе и обратно, что в условиях крупных городов, в особенности, составляет несколько часов, которые потенциально можно потратить на отдых, семью, общение с друзьями. В-третьих, сотруднику нет необходимости тратить деньги на питание вне дома, покупку специальной одежды (в особенности если того требует корпоративная культура организации). Однако, как показали наблюдения, указанные позитивные эффекты дистанционной работы часто проявляются в негативном ключе. Нередко работнику, осуществляющему трудовую деятельность дома, тяжело организовать режим работы. Существует масса отвлекающих факторов. Кроме того, в условиях пандемии, на дистанционной работе оказались целые семьи. Поэтому возникает проблема числа рабочих мест дома. Как результат, работники имеют возможность полноценно осуществлять свои тру-

довые функции только в вечернее и ночное время, что ведет к перегрузке как физической, так и психической. Во-вторых, «кажущаяся» экономия времени на дороге на работу превращается в ситуацию, когда работник «на связи» практически круглые сутки. Все это ведёт к «выгоранию» сотрудника. Продуктивность и качество работы снижается. Работник теряет здоровье.

Согласно опросу сервиса Мегаплан, 64% работников считают, что работа в офисе более эффективна, чем из дома. В качестве причин низкой продуктивности около четверти респондентов указали «близость» к холодильнику, кровати и, в целом, нерабочую атмосферу дома. Ещё около 20% сказали об отсутствии необходимой офисной техники и медленного интернета. Об ухудшении здоровья и наборе лишнего веса в период удалённой работы в связи с пандемией коронавируса сказали около четверти респондентов Исследовательского центра портала Superjob.ru. Похудеть же удалось только лишь 12% опрошенных [24].

Вместе с тем, опросы, проведенные в более позднее время, показывают, что увеличивается доля работников, готовых продолжить работу в дистанционной форме, и сокращается доля респондентов, предпочитающих вернуться к привычному формату работы. Согласно опросу, проведённому TelecomDaily, в мае 2020 г. продолжить работу в дистанте хотели бы 40% опрошенных, вернуться к прежнему формату желают треть респондентов [25].

В начале введения карантинных мероприятий в России демографы высказывали предположения о возможном демографическом росте после введения режима самоизоляции.

Ведь как показывают последние исследования, сексуальная активность россиян в последние годы заметно снизилась. Не последнюю роль в этом играет интенсификация жизни и увеличение объемов работы. Кажется, что переход к дистанционной работе, совместное круглосуточное пребывание мужа и жены, потенциально могли бы положительно сказаться на показателях рождаемости. Но в настоящее время трудно сказать о реальном влиянии карантинных мероприятий на динамику рождаемости, однако негативные эффекты ограничительных мер могут существенно нивелировать возможную позитивную динамику. Негативное влияние оказывает не только фактически круглосуточный режим работы сотрудников, перешедших на дистант, но и общий высокий уровень тревожности в период неопределённости, а также масштабный перевод медицинских учреждений, в том числе непрофильных, под нужды лечения больных коронавирусной инфекцией COVID-19.

Несомненно, для позитивного улучшения демографического развития России, да и других государств, необходима «уверенность в завтрашнем дне». Неопределенность будущего, которую несет в себе текущая пандемия, связанная с неопределенностью сроков ее окончания, появлением новых «рекордов» заболевания, отсутствием возможности прогнозировать экономическое положение, смутное представление о личных рисках выживания, накладываются на скептицизм в отношении применяемых мер борьбы с COVID-19. Уровень социального доверия населения многих стран к разрабатываемым и внедряемым руководством стран мероприятиям борьбы с вирусной

инфекцией уже на протяжении многих месяцев значительно колеблется. Происходит расслоение общества в отношении стратегий борьбы с пандемией, появились ковид-агностики, ковид-диссиденты, ковид-фаталисты. С другой стороны, формируются группы, характеризующиеся ковид-фобией.

Результаты экспресс-опроса позволили сформировать рейтинг наиболее эффективных мер, с точки зрения населения, применяемых на первоначальном этапе развития коронавируса (см. табл. 4). Судя по баллам высокой и максимальной эффективности применяемых мер, можно получить определенные выводы об их оценке респондентами. Так, например, совокупно высокая и максимальная эффективность присвоена ответившими продлению срока действия паспортов и водительских прав. Об этом заявили более 63% респондентов.

Высокое одобрение населением получила экономическая поддержка семей с детьми: единовременные выплаты на детей от 3 до 16 лет в мае и августе (по 10 000 руб.); ежемесячные выплаты на детей до 3 лет в апреле-июне (по 5 000 руб.); увеличение пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет. Каждая из этих мер получила высокий ранг эффективности почти у 60% ответивших. Более половины респондентов отметили в качестве высоко или максимально эффективных следующие меры: перевод учебных заведений на дистанционную работу; перепрофилирование больниц под лечение коронавирусных больных; увеличение пособия по безработице; продление пособия по безработице. Остальные анализируемые мероприятия, введенные на первоначальном этапе

пандемии, с точки зрения респондентов, имеют статус менее эффективных. Ниже всего эффективность с точки зрения респондентов оценивалась в отношении мер, носящих контролирующий характер. Так баллы минимальной или низкой эф-

фективности респонденты присвоили обязательному установлению приложения «Социальный мониторинг» для всех людей с подтвержденной коронавирусной инфекцией (43%) и наказанию за нарушение карантина (42%).

Таблица 4

Рейтинг оценки населением эффективности мер, применяемых в борьбе с пандемией
(% от ответивших, 1 = минимальная эффективность, 5 = максимальная эффективность; рейтинг представлен по показателю максимальной эффективности)

Меры \ Баллы	1	2	3	4	5
Продление срока действия паспортов и водительских прав	9,8	10,8	15,7	24,5	39,2
Единовременные выплаты на детей от 3 до 16 лет в мае и августе (по 10 000 руб.)	8,7	13,6	18,4	20,4	38,8
Ежемесячные выплаты на детей до 3 лет в апреле-июне (по 5 000 руб.)	11,7	13,6	15,5	22,3	36,9
Перепрофилирование больниц под лечение коронавирусных больных	10,8	8,8	27,5	17,6	35,3
Дистанционное оформление больничного для работающих граждан 65+	14,6	13,6	24,3	13,6	34,0
Увеличение пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет	11,8	11,8	16,7	26,5	33,3
Дистанционное открытие счета (вклада) физическим лицам	20,6	12,7	21,6	12,7	32,4
Перевод учебных заведений на дистанционную работу	11,8	11,8	21,6	23,5	31,4
Распоряжение маткапиталом онлайн	16,7	13,7%	24,5	17,6	27,5
Ограничение международного сообщения	18,6	15,7	22,5	15,7	27,5
Режим самоизоляции	22,5	13,7	18,6	17,6	27,5
Увеличение пособия по безработице	12,6	10,7	25,2	25,2	26,2
Дистанционная постановка на биржу труда	13,6	17,5	19,4	23,3	26,2
Кредитные каникулы	15,5	18,4	16,5	23,3	26,2
Продление пособия по безработице	9,7	16,5	22,3	25,2	26,2
Региональные меры по борьбе с коронавирусом	19,6	15,7	25,5	13,7	25,5
Больничные не ниже МРОТ	11,7	16,5	22,3	24,3	25,2
Больничные для вернувшихся из-за границы	21,8	10,9	20,8	21,8	24,8
Помощь россиянам, оказавшимся за рубежом	21,6	17,6	14,7	21,6	24,5
Режим обсервации для приезжающих из других регионов или стран	17,6	11,8	26,5	19,6	24,5
Продление сроков действия документов для иностранцев на территории РФ на 90 дней	16,7	9,8	27,5	22,5	23,5
Введение режима нерабочих дней с 30 марта по 11 мая	11,7	16,5	27,2	22,3	22,3
Возврат денег за несовершенную поездку по путевке	19,4	21,4	19,4	19,4	20,4
Обязательное установление приложения «Социальный мониторинг» для всех людей с подтвержденной коронавирусной инфекцией	26,5	16,7	20,6	16,7	19,6
Наказание за нарушение карантина	21,6	20,6	18,6	20,6	18,6

В качестве выводов можно высказать следующие положения. *Первое.* Риск негативной перспективы демографического развития России стал очевиден для широкой общественности еще в конце прошлого столетия. И в этом отношении то, что в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» на первом месте стоит цель «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» [26], является существенным маркером социально-экономической политики для постпандемийного будущего.

Второе. Риск снижения численности мирового населения только начинает осознаваться мировым сообществом [27]. Однако пока продолжает формироваться представление об «избыточной» численности населения планеты, что теория «нулевого роста» является спасением с точки зрения развивающегося экономического и экологического кризиса. Более того, в своем последнем докладе с символическим названием «Come On!» или «Капитализм, краткосрочность, население и разрушение планеты» Римский клуб, который характеризуется сильным влиянием на политические взгляды мировой элиты, призывает поощрять государства за политику сдерживания роста

численности населения [28]. При исполнении этого призыва риск демографического развития мирового населения, в том числе и населения России, увеличится многократно.

Третье. В условиях открытого мира вероятность будущих пандемий возрастает. Поэтому необходимо не только разработать возможные сценарии их наступления и сформировать государственную структуру по предотвращению инфекционных угроз [29], но и распространить эту деятельность на международный уровень, путем формирования взаимных договорных обязательств и разработки международного законодательства со странами, осуществляющими с Россией наиболее активный миграционный обмен населением.

Четвертое. Необходимо для формирования «портфеля» наиболее эффективных мер с пандемийными угрозами осуществлять мониторинг не только возможных рисков, но и реакцию населения на внедряемые меры. Только в этом случае можно повысить уровень доверия к решениям властей в экстремальных условиях и реально снизить опасность эпидемий и пандемий. В противном случае риски, имеющие природу «розового фламинго», будут характеризоваться «черным лебедем».

Библиографический список

1. Пандемия – мать беспорядка. Мир входит в эпоху хаоса // ИК ФИНАМ: [сайт]. 10.09.2020. URL: <https://u.to/kq2cGg> (дата обращения 20.10.2020).
2. Beck U., Lash S., Wynne B. (1992). Risk society: Towards a new modernity. Sage Publications Ltd. 264 p.
3. Giddens A. (1999). Risk and responsibility // Modern Law Review. Vol. 62. № 1. P. 1-10.
4. Beck U., Giddens A., Lash S. (1994). Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford University Press. 228 p.
5. Douglas M., Wildavsky A. (1982). Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. Univ. of California Press. 221 p.

6. *Freudenburg W. R. et al.* (1996). Media coverage of hazard events: analyzing the assumptions // *Risk analysis*. Vol. 16. №. 1. P. 31-42.
7. *Kitzinger J.* (1999). Researching risk and the media // *Health, risk & society*. Vol. 1. №. 1. P. 55-69.
8. *Taleb N. N.* (2007). *The black swan: The impact of the highly improbable*. New York: Random house. 366 p.
9. *Akkermans H. A., Van Wassenhove L. N.* (2013). Searching for the grey swans: the next 50 years of production research // *International Journal of Production Research*. Vol. 51. № 23-24. P. 6746-6755.
10. *Nassim Nicholas Taleb: interview* // *Time*. 24.10.2008. URL: <https://u.to/dt6cGg> (дата обращения 20.10.2020).
11. *Hoffman H.* (2015). Black swans and pink flamingos: five principles for force design // *War on the Rocks*. URL: <https://u.to/1eKcGg> (дата обращения 20.10.2020).
12. *Пятин А.* «Можно было предотвратить»: Нассим Талеб отказался считать коронавирус «черным лебедем» // *Forbes: [сайт]*. 30.03.2020. URL: <https://u.to/1eScGg> (дата обращения 20.10.2020).
13. Всемирная организация здравоохранения. Обновленная стратегия борьбы с COVID-19 // ВОЗ: [сайт]. 14.04.2020. URL: https://u.to/6_ucGg (дата обращения 20.10.2020).
14. *Салькова А.* «Застряли в начале XX века»: за что ученые ругают ВОЗ // *Газета.Ru*. 10.06.2020. URL: <https://u.to/QUWdGg> (дата обращения 20.10.2020).
15. *Энциклопедический словарь медицинских терминов*. М.: Советская энциклопедия. 1982-1984 гг.
16. Информация о новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Министерство здравоохранения РФ. URL: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (дата обращения 20.10.2020).
17. *Wornden O.* Divorces have increased during the coronavirus pandemic and lawyers are expecting more // *Global News*. 19.07.2020. URL: <https://u.to/Jf6cGg> (дата обращения 20.10.2020).
18. *Praso S.* China's Divorce Spike Is a Warning to Rest of Locked-Down World // *Bloomberg*. 31.03.2020. URL: https://u.to/qP_cGg (дата обращения 20.10.2020).
19. *Cohen E.* Why the coronavirus pandemic is leading so many couples to divorce // *New York Post*. 23.05.2020. URL: <https://u.to/qwOdGg> (дата обращения 20.10.2020).
20. *Jace C., Makridis C.* Will You Be Mine? Marriage as a Protective Factor During the Pandemic // *SSRN*. 27.07.2020. DOI 10.2139/ssrn.3655856
21. Работодатели назвали преимущества дистанционной работы // *Москва24: [сайт]*. 23.09.2019. URL: <https://u.to/KRqdGg> (дата обращения 20.10.2020).
22. *Hayes M., Chumney F., Wright C., Buckingham M.* *Global Study of Engagement*. Technical Report. ADP. LLC. 2019. P. 96.
23. Опрос: большинство россиян считают работу в офисе эффективнее удаленной // *ИА ТАСС*. 18.03.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8010845> (дата обращения 20.10.2020).
24. Опрос: почти четверть россиян на «удаленке» прибавили в весе // *Национальная служба новостей*. 18.05.2020. URL: <https://u.to/qh6dGg> (дата обращения 20.10.2020).
25. Более 40% россиян хотят продолжить работать из дома после снятия режима самоизоляции // *Газета.Ru*. 15.05.2020. URL: <https://u.to/OyCdGg> (дата обращения 20.10.2020).
26. Путин подписал указ о национальных целях развития России до 2030 года // *BFM.Ru*. 21.07.2020. URL: <https://www.bfm.ru/news/448854> (дата обращения 20.10.2020).

27. *Березин А.* Фонд Билла Гейтса профинансировал исследование, согласно которому люди в XXI веке начнут вымирать. Реальность может оказаться еще печальнее // Naked Science. 22.07.2020. URL: <https://u.to/ly2dGg> (дата обращения 20.10.2020).

28. *Weizsaecker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

29. *Вазанов А.* В России предпринята попытка поставить под контроль будущие биологические угрозы // Независимая газета. 18.10.2020. URL: <https://u.to/dTGdGg> (дата обращения 20.10.2020).

Дата поступления в редакцию 31.10.2020

References

1. Pandemic is the mother of confusion. The world is entering an era of chaos // FINAM. 10.09.2020. URL: <https://u.to/kq2cGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).

2. *Beck U., Lash S., Wynne B.* (1992). Risk society: Towards a new modernity. Sage Publications Ltd. 264 p. (In Eng.).

3. *Giddens A.* (1999). Risk and responsibility // Modern Law Review. Vol. 62. № 1. P. 1-10 (in Eng.).

4. *Beck U., Giddens A., Lash S.* (1994). Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford University Press. 228 p. (In Eng.).

5. *Douglas M., Wildavsky A.* (1982). Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. Univ. of California Press. 221 p. (In Eng.).

6. *Freudenburg W. R. et al.* (1996). Media coverage of hazard events: analyzing the assumptions // Risk analysis. Vol. 16. № 1. P. 31-42 (in Eng.).

7. *Kitzinger J.* (1999). Researching risk and the media // Health, risk & society. Vol. 1. № 1. P. 55-69 (in Eng.).

8. *Taleb N. N.* (2007). The black swan: The impact of the highly improbable. New York: Random house. 366 p. (In Eng.).

9. *Akkermans H. A., Van Wassenhove L. N.* (2013). Searching for the grey swans: the next 50 years of production research // International Journal of Production Research. Vol. 51. № 23-24. P. 6746-6755 (in Eng.).

10. *Nassim Nicholas Taleb: interview* // Time. 24.10.2008. URL: <https://u.to/dt6cGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).

11. *Hoffman H.* (2015). Black swans and pink flamingos: five principles for force design // War on the Rocks. URL: <https://u.to/1eKcGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).

12. *Pyatin A.* (2020). "Could have been prevented": Nassim Taleb refused to consider the coronavirus a "black swan" // Forbes. 30.03.2020. URL: <https://u.to/1eScGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

13. World Health Organization. Updated strategy to combat COVID-19 // WHO. 14.04.2020. URL: https://u.to/6_ucGg (last request 20.10.2020) (in Russ.).

14. *Salkova A.* (2020). "Stuck at the beginning of the twentieth century": for which scientists scold WHO // Gazeta.Ru. 10.06.2020. URL: <https://u.to/QUWdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

15. Encyclopedic Dictionary of Medical Terms. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 1982-1984 (in Russ.).

16. Information on the new coronavirus infection COVID-19 // Ministry of Health of the Russian Federation. URL: <https://covid19.rosminzdrav.ru/> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

17. *Bowden O.* (2020). Divorces have increased during the coronavirus pandemic and lawyers are expecting more // Global News. 19.07.2020. URL: <https://u.to/Jf6cGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).
18. *Prasso S.* (2020). China's Divorce Spike Is a Warning to Rest of Locked-Down World // Bloomberg. 31.03.2020. URL: https://u.to/qP_cGg (last request 20.10.2020) (in Eng.).
19. *Cohen E.* (2020). Why the coronavirus pandemic is leading so many couples to divorce // New York Post. 23.05.2020. URL: <https://u.to/qwOdGg> (last request 20.10.2020) (in Eng.).
20. *Jace C., Makridis C.* (2020). Will You Be Mine? Marriage as a Protective Factor During the Pandemic // SSRN. 27.07.2020. DOI 10.2139/ssrn.3655856 (in Eng.).
21. Employers named the benefits of telecommuting // M24. 23.09.2019. URL: <https://u.to/KRqdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
22. *Hayes M., Chumney F., Wright C., Buckingham M.* (2019). Global Study of Engagement. Technical Report. ADP. LLC. P. 96 (in Eng.).
23. Poll: most Russians consider office work more efficient than remote work // TASS. 18.03.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8010845> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
24. Poll: almost a quarter of Russians on the "remote" gained weight // Natsional'naya sluzhba novostey. 18.05.2020. URL: <https://u.to/qh6dGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
25. More than 40% of Russians want to continue working from home after the withdrawal of self-isolation // Gazeta.Ru. 15.05.2020. URL: <https://u.to/OyCdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
26. Putin signed a decree on Russia's national development goals until 2030 // BFM.Ru. 21.07.2020. URL: <https://www.bfm.ru/news/448854> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
27. *Berezin A.* (2020). The Bill Gates Foundation financed a study according to which people in the 21st century will start to die out. Reality may be even sadder // Naked Science. 22.07.2020. URL: <https://u.to/ly2dGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).
28. *Weizsaecker E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p. (In Eng.).
29. *Vaganov A.* (2020). In Russia, an attempt has been made to control future biological threats // Nezavisimaya gazeta. 18.10.2020. URL: <https://u.to/dTGdGg> (last request 20.10.2020) (in Russ.).

The article was submitted on: October 31, 2020